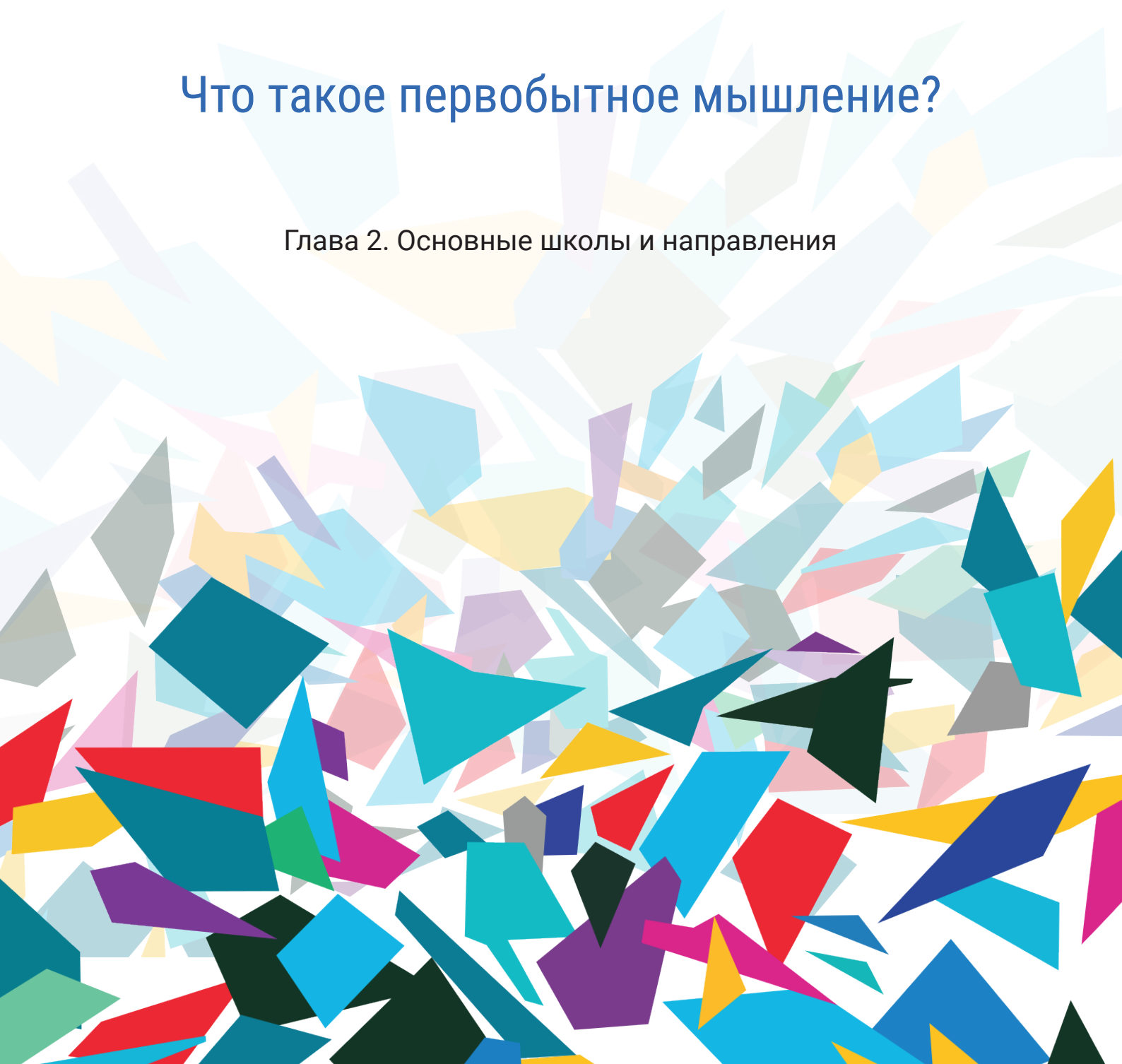

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ АНТРОПОЛОГИИ

Что такое первобытное мышление?

Глава 2. Основные школы и направления

В лекции будут рассмотрены основные положения концепции антирелятивизма Леви-Брюля, популярные в научных кругах с конца 60-х до начала 80-х годов XX века. Также представлены ответы на некоторые вопросы, касающиеся проблемы «первобытного мышления».

В центре нашего внимания работы Люсьена Леви-Брюля и Бенджамина Ли Уорфа.

Прежде чем приступить к рассмотрению данной темы, следует отметить, что концепция «первобытного мышления» зародилась еще в конце XIX века. Но именно в XX веке она приобрела новый смысл и значение, так, в этот период стали широко распространяться следующие вопросы: на самом ли деле люди разных культур думают по-разному? И если это так, существует ли первобытное мышление, отличающееся от остальных? Можем ли мы говорить о том, что одни культуры более примитивны, чем другие? Если «первобытное мышление» и существует, то существует ли оно только среди «первобытных народов» или же это универсальное понятие, которое может быть применено ко всем культурам без исключения? Может ли «первобытное мышление» быть приравнено к «рациональному мышлению» или же оно все-таки отлично? И на самом ли деле, «первобытное мышление» более разумно, чем научное мышление Западного мира? Для того, чтобы ответить на все эти вопросы начнем по порядку. Первое на чем следует остановиться, это концепция французского ученого Люсьена Леви-Брюля, которую в книге А. Барнарда обозначили как: Антирелятивизм Леви-Брюля.

Французский социальный философ Люсьен Леви-Брюль является одним из главных исследователей феномена «первобытного мышления». Он отвергал идею психического единства, аргументировав это тем, что первобытное мышление качественно отличается от логического. Оно отлично не потому что алогично, а потому что оно, по его мнению, до-логично. Природа до-логичности определяется достаточно просто: предполагаемым отсутствием деления причины и следствия. Несмотря на то, что часть представителей школы *Anne'e sociologique* привержена идеям функционализма, Леви-Брюля больше характеризуют как эволюциониста и анти-релятивиста.

Люсьен Леви-Брюль является автором шести книг, посвященных исследованию «первобытного мышления», среди его трудов много и философско-политологических работ. Несмотря на то, что библиографические детали не так важны, интерес вызывают французские названия его работ о «первобытном мышлении», ярко отражающие его взгляды относительно концепции «примитивизма».

Например:

- *Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures* (How Natives Think – Как Думают Аборигены);
- *La mentalité primitive* (Primitive Mentality – Первобытный разум);
- *L'âme primitive* (The 'Soul' of the Primitive – Первобытная «Душа»);
- *Le surnaturel et la nature dans la mentalité primitive* (Primitives and the Supernatural – Первобытные люди и Сверхъестественное);
- *La mythologie primitive* (еще не переведена);
- *L'expérience mystique et les symboles chez les primitifs* (еще не переведена).

В книге «Как думают Аборигены» Леви-Брюль разделил человеческое мышление лишь на две категории: «первобытный разум» и «высший разум». Первобытные люди думают логически только в ежедневных ситуациях, но не способны к абстракции.

Например, в первобытных культурах одна душа может быть соотнесена только с одной «тенью». Первобытный человек, по мнению Леви-Брюля, не способен различать сам объект от его символического или мистического назначения. Австралийский Абориген, например, не способен понять саму идею собственности на землю, так как он не способен осознать себя будучи разделенным от земли. Индианка же Южной Америки говоря, что она – «попугай», не имеет в виду, что относит себя к роду попугаев. Так она обозначает свою идентичность между ней и птицей. В понимании же самих индейцев, очевидно она действительно является попугаем.

Для Леви-Брюля «первобытное мышление» также отлично от логического, тем, что это продукт коллективного, не индивидуального мышления. Как и французские антропологи своего времени, Леви-Брюль часто обращался к идее коллективной репрезентации. И он,

и Эмиль Дюркгейм и Марсель Мосс одинаково опровергали идею о том, что можно приравнять коллективные действия к действиям одного человека или, что общие для культуры представления можно сравнить с представлениями одного человека в этой культуре. В случае Леви-Брюля, это применимо только или, по крайней мере, преимущественно, в отношении дописьменных культур, так как в менталитете письменной культуры преобладает ценность индивидуальности/личности.

Как описывает в своей книге А. Барнард, где бы не ходил Леви-Брюль, с собой он всегда носил тонкую записную книжку, обёрнутую в черную клеёнку. Каждая часть книжки имела свое название, а в углу каждой страницы была пометка о том, где и когда она была сделана. Его записная книжка сохранилась и благодаря ей до нас дошли интересные факты трансформации научных взглядов Леви-Брюля в последние годы его жизни. Он не отвергает идею первобытного мышления, но значительно изменяет ее значение. Так, например, 29 августа 1938 года

Леви-Брюль записал следующее: «Давайте исправим мои идеи 1910 года: не существует первобытного мышления отличного от других по двум следующим характеристикам: мистическому и до-логическому. Есть более явная и видимая мистическая ментальность, которая более заметна и легче воспринимается среди «примитивных народов», чем в наших собственных обществах, но она существует в каждом человеческом уме» (Л. Леви-Брюль).

Другими словами, дело не в разной логике, а в знании. Культуры сами по себе нельзя сравнивать, а можно говорить только об их уровне развития.

Хронологически идеи Леви-Брюля развивались параллельно с теориями Франца Боаса, Рут Бенедикт и Маргарет Мид – всех, кто придерживался романтических представлений о культуре чужеземцев. Леви-Брюль своими работами бросил своеобразный вызов их романтизму. Они также привили традицию философской дискуссии в антропологии, которую антропологи того времени не были готовы вести и во многих случаях избегали спорных вопросов.

Сейчас, можно с уверенностью утверждать, что идеи Леви-Брюля определенно внесли значительный вклад в антропологию. Некоторые его теоретические выкладки можно заметить и в работах более поздних ученых, таких как Клод Леви-Стросс. Он также, как и Леви-Брюль проводит абсолютное различие между дописьменными и письменными культурами, но с противоположной точки зрения, заменяя термин психическое единство понятием «*esprit humain*» – человеческий дух, иногда переводимое как «коллективное бессознательное».

Среди современных последователей Леви-Брюля выделяется англо-канадский антрополог Кристофер Холлпайк. По его мнению, исследования Леви-Брюля могли бы быть более ценными, если бы ученый рассматривал их с точки зрения когнитивной психологии. Именно поэтому, сам К. Холлпайк сравнивал «первобытное мышление» с особенностями мышления детей в процессе их осознания мира. Основные положения его теории основаны на взглядах швейцарского психолога Жана Пиаже, но верный своему антропологическому пониманию, он, развивает понятие «первобытное мышление» посредством анализа коллективных представлений.

Необходимо отметить, что в лингвистике и антропологии такие термины, как «примитивное мышление», были подвергнуты сомнениям и обсуждаемы с середины XX столетия. Но проблема выявления истинных когнитивных различий между разными культурами в особенности, между западными и незападными родоплеменными культурами, все еще открыта.

Дискуссии по этому вопросу всегда в значительной степени апеллировали к языку. И совершенно справедливо, поскольку язык – это «наилучшее отражение человеческой мысли» и языковые данные оказываются решающими при выявлении фундаментальных моделей мышления у различных групп людей. Но языковые данные могут быть неправильно интерпретированы. Обсуждая предполагаемое отсутствие абстрактного мышления в некоторых человеческих сообществах, Холлпайк пишет: «Необходимо сначала проделать черновую семантическую работу, прежде чем мы сможем плодотворно обсуждать, в какой степени примитивное мышление может или не может быть абстрактным» (К. Холлпайк).

Термин «примитивный», защищаемый Холлпайком по этимологическим соображениям, неудачен, поскольку включает в себя оценочный компонент, как и термин «низший», использовавшийся, например Леви-Брюлем. Но сам вопрос, поставленный в работе Холлпайка, – существуют ли действительные качественные различия в мышлении разных народов? – важен и не должен отвергаться по чисто идеологическим соображениям.

Мнение, что такие различия в самом деле имеются, не слишком популярно в наши дни, и Холлпайк достоин уважения за смелость, которую он выказывает, защищая его, равно, как и другие приверженцы этой позиции. Следует проанализировать эти взгляды, а не просто отвергать их. Но для того, чтобы этот анализ был плодотворным, для него, действительно, необходима соответствующая семантическая основа.

Лингвистический релятивизм Бенджамина Ли Уорфа

Одним из главных выводов работ Леви-Брюля является идея о том, что мышление «первобытных людей» интеллектуально не равняется мышлению людей, называемых «ourselves» или называющих себя «мы». Беря две эти категории за основу, рассмотрим возможные альтернативы.

1. «Первобытные люди» интеллектуально равны «Мы», т.е. всем людям «ourselves».
2. «Первобытные люди» интеллектуально отличаются от «Мы» – от всех людей «ourselves», но это не значит, что они либо ниже, либо выше их.
3. «Первобытные люди» интеллектуально превосходят «Мы».

Первые два предположения демонстрируют собой взгляды, находящиеся между эволюционистской и радикально релятивистской позициями. Третье же предположение презентует радикальный релятивизм в качестве инверсивного эволюционизма. Такое предположение представляется нам более интересным, так как оно ярко контрастирует с эволюционизмом Леви-Брюля.

Эта идея лучше всего представлена химиком-технологом по образованию, антропологом, лингвистом, продолжателем Боасовской традиции – Бенджамином Ли Уорфом.

До исследований Франца Боаса, лингвистика предполагала схожесть всех языков. Если кто-либо знал греческую или латинскую грамматику, он мог бы описать любой язык в мире. Боасовцы доказали, что во многом, это не так. Инуитские и америндианские языки гораздо сложнее греческого или латинского. Так, например, некоторые языки из этих групп имеют целых 17 обозначений пола, без сомнения, вводя в заблуждение бесконечный поток антропологов, которые изучали их. На основе этих исследований, Уорф пришел к выводу, что народы, говорящие на подобных сложных языках, имеют и такое же сложное и многогранное восприятие мира, в отличие от народов, не имеющих такую картину мира, и к таким несложным языкам он причислял английский язык.

Известная «Гипотеза Сепира-Уорфа» прославила в свое время и самого Уорфа, и его наставника Эдварда Сепира. Гипотеза предполагает, что помимо двух типов мышления – «наше» и «их», существуют множество типов, каждый из которых связан непосредственно с языком думающего. Однако на практике Уорф был более склонен говорить о двух наиболее распространенных моделях: мысль, выраженная на английском языке и мысль, выраженная на языках коренных североамериканцев.

Различия и схожесть теорий Леви-Брюля и Уорфа хорошо прослеживается в сравнительном анализе их трудов: «Как думают аборигены» Леви-Брюля, посвященная грамматике и счету, и в двух эссе Уорфа «Язык, мышление и реальность», раскрывающих связь между высказыванием и мышлением в «первобытных сообществах». Примеры, приводимые Леви-Брюлем и Уорфом, одинаковы. Их идеи сходятся в общем понимании сложности грамматики в языках так называемых «первобытных» людей, но разительно расходятся в интерпретации данного феномена.

Один и тот же пример может использоваться для подтверждения утверждений с двух сторон. Рассмотрим пример из книги Леви-Брюля, иллюстрирующий значение вербальных префиксов и суффиксов на языке жителей Кивайских островов в Меланезии:

- Рудо (действие двух людей и больше в прошлом);
- Румо (действие множества людей к множеству в прошлом);
- Дурудо (действие двух людей и больше в настоящем);

- Дурумо (действие множества людей к множеству в настоящем);
- Амадуро (действие двух людей к двум в настоящем);
- Амарудо (схожее действие в прошлом);
- Амарумо (действие от множества к двум в прошлом);
- Ибидурудо (действие от множества к трем в настоящем);
- Ибидурумо (схожее действие в прошлом);
- Амабидурумо (действие трех по отношению к двоим в настоящем) и т.д.

Согласно Леви-Брюлю, конкретность этих форм отражает «первобытный» способ мышления – отсутствие абстрактной мысли. Согласно же Уорфу, такая конструкция подразумевает невероятную лингвистическую утонченность/сложность. В данном примере, каждое слово может быть разделено на морфемы, объединенные по смысловому значению в такие формы как: ру – , – до, – мо, ду – и так далее. Именно способность к абстрактному мышлению, по мнению Уорфа, позволило объединить буквы в данные индивидуальные морфемы. Несмотря на общую приверженность ученых идее о несомненной связи языка и мышления, их мнения расходятся в понимании этой связи. Согласно Леви-Брюлю, язык является отражением мышления, в то время как Уорф заявляет о существующих до-лингвистических категориях, отражаемых в мышлении. По его мнению, люди думают лишь в рамках определенных категорий и зависимы от них.

Уорф понимал, что категории английского языка не настолько «сильны», по сравнению с любым другим языком. Он идет еще дальше. В работах Уорфа можно проследить определенную «зависть», если так можно выразиться, к народу Хопи за их способность думать заблаговременно – «наперед». Он аргументировал это тем, что грамматика Хопи больше подходит для выражения научных идей, нежели грамматика английского языка. Например, метафизическая основа английского языка предполагает две упорядоченные формы: пространство и время. Пространство бесконечно, трехмерно и статично. Время движется в одном направлении и делится на: прошлое, настоящее и будущее. Метафизическая же основа языка Хопи предполагает две совершенно отличные упорядоченные формы: объективная и субъективная. Первая форма включает в себя физическую универсальность как опыт, полученный посредством чувств, а также прошлое и настоящее. Вторая форма включает в себе существование в мыслях, сам Разум и Космос, а также то, что в английском языке можно охарактеризовать как будущее время.

Критика Уорфианизма

Алан Барнард задается вопросами: «Можно ли считать уорфианизм правильным ответом? На самом ли деле Уорф объясняет связь между языком и культурой и есть ли отличия между различными видами мышления?».

Фактически, идеи Уорфа подверглись достаточно серьезной критике. Рассмотрим лишь некоторые критические высказывания, которые заслуживают внимания.

Во-первых, существовала точка зрения о том, что идеи Уорфа о взаимосвязи языка и культуры слишком упрощены. Действительно, самые радикальные идеи Уорфа были опубликованы в не связанных ни с лингвистикой, ни с антропологией журналах, как например «Технологический обзор» Массачусетского Технологического Института. Разумеется, несложно опровергнуть чересчур простую уорфовскую концепцию языка, определяющую мышление. Часто представители одной и той же культуры могут говорить на разных языках. Представители народа баск, например, идентичны в своей культуре как к своим франко-, так и испаноговорящим соседям. С другой стороны, народы, говорящие на схожих языках, могут радикально культурно отличаться друг от друга. Представители племени Навахо и Апачи говорят на языке, принадлежащем одной группе, но культурно они имеют свои особенности: Навахо всегда вели размеренный, спокойный образ жизни, со способствующему этому определенному расположению жилищ – на расстоянии друг от друга. Племя же Апачи были более склонны к кочевому образу жизни, охоте и набегам. Ни одно из этих племен не имели централизованного

политического авторитета, но именно Апачи имели строгую систему, иерархию лидерства, которая обеспечивала такую организацию племени, готовую к ведению войн и совершению набегов. Их культуры были различны, но обязаны ли они думать одинаково только потому, что они говорят на языке одной группы? Ответ на данный вопрос остается открытым.

Во-вторых, идеи Уорфа имеют огромное значение для лингвистических различий. Уорф был одним из первых, кто сделал систематический анализ америндианских языков, не беря за основу европоцентрические категории, и именно он впервые подчеркнул богатство словарного запаса этих языков. Но, к сожалению, «маятник» в науке качнулся в другую сторону.

Начиная с 1960-х годов среди лингвистов появилась склонность к подчеркиванию универсальных аспектов языка. Например, каждый из нас говорит предложениями, которые состоят из существительных и глаголов. Так, например, представитель племени Нутка, также использующийся в своих выражения существительные и глаголы, не настолько кардинально отличается от англоговорящего представителя, как предполагал Уорф. Соответственно, и человек племени нутка и англичанин не имеют совершенно различных типов мышления.

В-третьих, какие существуют доказательства того, что именно язык определяет мышление? Теория Уорфа основана исключительно на его личных умозаключениях. Трудно найти доказательства гипотезы «Сепира-Уорфа», но, тем не менее сегодняшние лингвисты также работают над этой теорией (Люси, 1992).

В-четвертых, если мыслительные образы разных языков, также различны, как предлагает Уорф, то может ли кто-то, кто НЕ-Хопи, понять, как думает Хопи? Если нет, то как мы можем сравнивать способы мышления?

«Слабые» стороны гипотезы Сепира-Уорфа общеизвестны, но и преимущества не столь явны. По сути, сама гипотеза отрицает возможность проведения антропологических сравнений.

И по мнению автора учебника, неслучайно, что с конца 1960-х годов стали популярными Дискуссии о рациональности.

Отмечается периодическое возрождение интереса к вопросу о «первобытном мышлении» или, если быть точнее, к вопросу о рациональности среди «первобытных» народов. Философы, социологи и антропологи участвовали в дискуссиях на различных конференциях по этой теме. Наиболее важной среди них можно считать «Рациональность» Брайана Уилсона и «Рациональность и релятивизм» Мартин Холлиса и Стивена Лукаса. Первая книга представляет собой сборник публикации 1960-х годов, в то время как «Рациональность и релятивизм» состоит в основном из специально написанных очерков. В книге «Рациональность» Брайана Уилсона используются главным образом этнографические данные, и как их называют, это в основном африканские и «классические». Вторая же книга сосредоточена на исследовании проблемы сквозь призму до-современной западной науки.

Остановим наше внимание на двух последних публикациях, демонстрирующих собой подход, выходящий за пределы таких простых ответов как «да» и «нет» на вопрос о рациональности: это работы Дэна Спербера и Эрнеста Геллнера.

Д. Спербер классифицирует релятивистские традиции в социальной антропологии на «интеллектуальные» и «символические». Интеллектуалы утверждают, что иррациональные убеждения не настолько иррациональны; в большей степени, они, скорее всего, просто ошибочны. Например, люди верят в то, что земля плоская только потому, что их опыт подтверждает данный факт. Символисты же утверждают, что мифы и ритуалы иррациональны буквально только на поверхностном уровне. В роли же метафор для моральных ценностей они могут быть достаточно рациональны. «Переосмысление символизма» Д. Спербера подверглось критике со стороны таких символистов как Виктор Тернер, Клод Леви-Стросс и др. В своей работе Д. Спербер утверждал, что символизм есть творческий механизм, который производит смысл, лежащий за пределами установленных структур понимания, помогая, таким образом, развить эти структуры. В своей статье 1982 года он пишет то же самое и в отношении крайних релятивистских взглядов. Очевидно, иррациональные верования не являются «верованиями» как таковыми; они касаются и различных психологических состояний. Более того, они не иррациональны; они, по его мнению, просто являются путями познания мира. Как люди говорят о мире, настолько и рационально их мышление.

Э. Геллнер, являясь убежденным антирелятивистом, утверждает, что релятивизм и существование человеческих универсалий все же совместимы. Он определяет релятивизм как «доктрину в теории познания, опровергающую наличие одной истины».

Он принимает существование релятивистских высказываний в познавательном и моральном аспектах, но не согласен с тем, что релятивизм приравнивается к разнообразию с точки зрения эпистемологического и социологического подхода. Его аргумент является сложным. По сути, он говорит, что проблема релятивизма заключается в том, существует ли только один универсальный мир, тогда как проблема универсальности рассматривается с различных философских позиций. По существу, он говорит о том, что проблема релятивизма существует только в нашем мире, в то время как проблема универсалий существует и вне его пределов. Более того, универсальность не является чем-то универсальным, она характерна для отдельных культур: не все могут ее найти, но ее ищут люди, подобные читателю этой книги. Однако поиск такой универсальности является общим для всего человечества, и это не так давно распространилось на весь мир – сегодняшнюю теорию называют глобализацией.

На практике большинство антропологов-релятивистов всегда были более заинтересованы в исследовании культурного разнообразия, нежели чем универсалий. К примеру, Леви-Стросс относительно данного вопроса считается исследователем с релятивистскими взглядами. В работах Д. Спербера и Э. Геллнера был отвергнут философский статус релятивизма и ярко продемонстрирована несостоятельность релятивистского подхода в антропологической науке. По мнению авторов, тот факт, что различные народы рассматривают мир по-разному, в зависимости от своих культурных особенностей, не является основанием для того, чтобы считать все отличные или чуждые понятия как «иррациональные», или высказыванием альтернативной «истины». Универсальность человеческого существования не делает релятивизм несостоятельным; также, как и не делают его состоятельным наличие культурных различий.